

пожелания. Пусть пошлет Вам Господь душевное спокойствие, мир и счастье. А я в этой жизни не забуду Вас в образе той черной галочки, которая тогда робко подошла ко мне и пошла рядом. Умирая же, буду молить Бога, чтобы в новом рождении, в новом цикле жизни, он соединил нас, Дораже».

От конца письма нашло на Долму какое-то спокойствие, как будто благополучно разрешено для нее какой-то сложный и мучительный вопрос. Спрятав письмо в свою девичью шкатулку, она вошла в молельную комнату и, задвинув перед Буддой душистый ладан, села перед божницей на колени.

«Боги, множество святых на небе, дух моей мамы, дайте мне счастье... Мама, я не сделала того, что хо-

телось сердцу, но что могло рассердить тебя. Так благослови меня, твою любимую дочь... Помоги мне полюбить моего жениха и быть ему хорошей женой, ибо он хороший человек...» — так молилась Долма, все больше и больше успокаиваясь.

Когда она, кончив молиться, вышла на балкон по дороге мимо их двора, ловко сидя на красиво гарцующей гнетой кобылице, затянутой в форму доисского офицера, проезжал ее жених. Увидев ее, он радостно засверкал рядом больших белых зубов и козырнул. Долма приетливо улыбнулась ему и почувствовала на душе радость и облегчение.

1936-7-1.

С. Балыков.

На воре шапка горит

(Открытое письмо г. И. А. Билому).

Нюня мудрую простонародную поговорку, рекомендующую не трогать «кое-что», я, было, решил никогда не касаться на страницах печати вашего имени. К сожалению, вы упрямо обнаруживаете свое страстное желание наделить меня своими «качествами» и утопить меня в луже воды.

Так, в последнем номере своего журнала «ВК» (191) вы изволили поместить заметку, должествующую «уробить» меня, при этом, пользуясь тем, что у нас нет своей периодической печати, лжете без зазрения совести.

Я был и остаюсь при своем старом убеждении: ложь и демагогия плохие помощники и кто только ими пользуется, обнаруживает лишь свою неправоту.

Что дало вам повод «обрушиться» на меня?

На вашем докладе в Париже в своем слове, между прочим, я осмелился выразить свое несогласие с нижеследующим вашим утверждением: — «Организация жизни вольных казаков за границей может интересовать только нас самих. Никого другого это не интересует. Не интересует это и наших братьев там, которые ждут от нас не того, чтобы мы хорошо устроились за границей (интересно знать, кто так говорит? Ш. Б.), а того, чтобы мы помогли им поскорее сбросить с себя путы московских оккупантов (интересно знать, кто против этого возражает? Ш. Б.). Если бы была организована только жизнь вольных казаков, даже наилучшим образом, основной задачи ВК это не решит ни в какой мере». (Журн. «ВК», № 175).

Я и теперь подтверждаю, что это ваше утверждение (не только утверждение, но и дело, ибо вы всеми мерами разрушаете организацию вольных казаков!) есть политическое преступление перед Вольным Казачеством. Между тем, вы не только остаетесь при этом своем «мнении», «но готовы его еще более усилить» («ВК» № 191).

Казалось бы, вопрос ясен спорить не о чем: я придаю первостепенную важность вопросу организации жизни вольных казаков за границей, а вы столь же решительно считаете ее ненужной, ибо «это никого другого не интересует. Не интересует это и наших братьев там».

Но вы не были бы Билом, если бы не стали разводить демагогию даже по такому ясному вопросу. Придаю, для этого вам пришлось навязать мне мысль, никогда мне и не снившаяся. На основании моего несогласия с вышеприведенной вашей «теорией» о ненужности организации, вы пишете следующее:

— «Если г. Балинов недоволен моими утверждениями, то, очевидно (какая догадливость! Ш. Б.), он держится иного мнения. А это иное мнение гласило бы (какая прелесть это наше «гласило бы!» Ш. Б.): орга-

низация жизни вольных казаков за границей может интересовать не только нас самих. Интересует это и многих других, Интересует это и наших братьев там, которые ждут от нас, чтобы мы хорошо устроились за границей... И если будет хорошо организована жизнь вольных казаков за границей, то это и решит основную задачу ВК» («ВК» № 191).

Так бесовски перевернув мою мысль, поставив ее кверх ногами, навязав мне свою болезную фантазию, вы, с торжествующим видом, заявляете: — «Я, конечно, не могу вести ВК движение по пути г. Балинова», т. е. по пути организации вольно-казачьих сил за границей.

В чем же «соль» такого вашего пассажа? В том, что вы с большими муками пытаетесь доказать, что я только о том, мол, и думаю, «чтобы мы хорошо устроились за границей» и совершенно не думаю об «основной задаче», а вы только и заботитесь, как бы спасти Казачество, для чего, по вашему просненному мнению, нет никакой надобности организовывать «жизнь вольных казаков за границей».

Я тут совсем не буду говорить о том, кто из нас и как устривает свою жизнь за границей. Для всякого зрячего и с минимальной совестью вольного казака ясно, что в этом вашем злостьюестве лишний раз подтверждается мудрая народная поговорка: — «на воре шапка горит».

Но необходимо сказать пару слов по поводу вашей «теории» о ненужности организации в казаков за границей.

Народная мудрость гласит: «что у кого болит, тот о том и говорит». А всем известно, что все ваши помыслы направлены к наилучшему обеспечению своей собственной жизни за границей, а потому совершенно естественно, мера на свой аршин, вы всякое слово об организации жизни вольных казаков вульгаризируете и гнусно его толкуете и смысле желания устроиться за границей.

Между тем, для всякого политически грамотного человека ясен смысл моего утверждения об организации жизни в казаков. Слишком унижительно было бы пускаться в объяснение такой простой фразы.

Не лукавьте, не лгите, а просто признайтесь, что спор между мною и вами происходит из различного нашего понимания природы в казаков. Я последних считаю сознательными и активными политическими работниками. А раз так, то что значит требование организации их жизни? Это значит требовать создания сильного, стройного организованного, политического движения для наилучшего разрешения «основной задачи ВК».

Вы же доказываете ненужность подобной организации спорите со мной.

Вот основная причина нашего расхождения, нашего спора. И лишь для того, чтобы хоть как-нибудь прикрыть свое поведение, желая найти хоть какое-нибудь оправдание своей «теории» нужности организации жизни В.К., вы сознательно извращаете мою мысль, толкая ее в самом невозможном, гнусном смысле.

Вы правы, когда пишете: «Наши точки зрения с г. Балиновым слишком разные и говорить нам с ним не о чем». Верно пан Балин! «Умную речь и слушать приятно! Но разность наших точек зрения» вытекает не из невыяснимого вами мне желания «хорошо устроиться за границей», а из различной оценки значения организованной политической семьи, вобравшей в свой состав все живые силы В.К.!

Я отлично понимаю ваше страстное желание, чтобы я изменил своей прежней идее. Вы рассчитывали на то, что я, под давлением черной нужды, вынужден буду кому-нибудь «спродаться», сделать нечто подобное, что сделал в свое время ген. Быкадорон. Такой мой шаг до некоторой степени оправдал бы вашу богатейшую коллекцию беззастенчивой лжи в мой адрес.

Но напрасно будете ждать такого момента. Что бы со мною ни случилось, какой бы удар мне судьба ни нанесла, я, и умирая, буду говорить то же самое, что говорил и 8 лет тому назад.

Я остаюсь при своей старой идее, при своем старом требовании — организации жизни вольных казаков, объединении всех живых сил В.К. Вы этого не желаете. Так не выдавайте иных «причин», не фантазируйте и не лгите!

Конечно, я знаю, что даже наилучшая организация жизни вольных казаков не разрешит **всего вопроса**. В.К. Но такая организация есть первый необходимейший и важнейший шаг к решению «основной задачи». Без такой организации все будет походить только на пустое словоблудие, чем вы так успешно все время занимаетесь!

То, что я говорю, есть аксиома, не требующая никаких доказательств. Только ваше исключительно бесчестное нутро ее не воспринимает. Любая политическая партия или организация в эмиграции старается вовлечь в руло своего движения максимальное количество людей и строить их организацию.

Младоросская партия, возникшая уже после В.К., организовала «жизнь младороссов за границей» и сейчас устраивает публичные собрания, на которые приходят много сотен людей.

Я спрашиваю вас — что это? Устройство «жизни младороссов за границей», или активная политическая работа во имя достижения своей «основной цели»?

Фронт угнетенных народов, объединенных в «Прометее», организовал жизнь своих членов за границей и в Париже устраивает публичные собрания, куда приходят тысячи людей.

Что это? Устройство «своей личной жизни» или большая политическая работа во имя достижения своей «основной цели»?

А вы, милый человек, после восьми лет пропаганды своей идеи, насильно пропихнувшись в «Походные Атаманы», в Париже, в центре сосредоточения главной массы казаков, на свой доклад собираете... 30 человек и «преувеличив, с великой радостью пишете в своем журнале: — «послушать доклад собралось до 50 человек!»

Что это? Политическая работа во имя достижения «основной цели», или же непосредственный посылный результат ваших действий?

Да, это есть прямой результат вашей преступной «теории» о ненужности организации «жизни вольных казаков за границей»!

После такого «успеха» другой приличный человек не посмел бы смотреть людям в глаза. Но у вас не было и нет и малейшей доли чувства стыда!

ШАМБА БАЛИНОВ.

В стране деспотии и рабства

«Обученному» беспримерно жестоким правительственным террором народу ничего больше не остается делать, как отказавшись от всех правил поведения нормального человеческого общества, превратиться в сборище безгласных рабов, каждый из которых, руководствуясь исключительно жестоким законом приспособления, ценою несчастья своего ближнего, старается заслужить правительственную милость.

Бесподобная лезть и безграничная ложь — вот два главных рычага, регулирующие взаимоотношения между всемогущими правительственными органами и безправным, забитым населением в СССР.

Власть требует от своих подданных абсолютной покорности и безудержной похвалы себе и по правилу — спрос рождает предложение — в среде безгласного народа находится достаточное количество людей, поставившие своей целью жизни удовлетворение этого правительственного спроса.

Но иногда в этом огромном лагере молчания и пресмыкания некоторые лица не выдержав этой затхлой атмосферы, царства организованной лжи и лести, охваченные мужеством отчаяния, выкрикивают и рисуют подлинную картину гнетущей жизни в СССР и рассчитывают о сокровенных желаниях тамошних подневольных людей.

К сожалению, такие всплывши о правде советской бы вают очень кратковременными. Их продолжительность и значение такое же, как яркая молния в черной туче. Все «всплывши», как две капли воды, похожи одна на другую, независимо от того, — случаются ли они на советских верхах с большими людьми или на «край-

не» с мелкими сошками. И конец их тоже одинаков. Советская власть с готтентотской моралью, перед этими прорвавшимися людьми ставит беспощадную дилемму, предлагает им выбрать одно из двух: или «добровольно раскваситься», или же подставить свой лоб под пулю чекиста.

Человек всегда остается человеком: как бы неприглядна ни была жизнь, но все же, ему умирать не хочется. И он, прокляная самого себя и все на свете, берется за перо, чтобы писать в редакцию газеты «спокаяние письмо», в котором, обычно, «решительно и категорически» опровергает все то, что он говорил вчера, в минуту своего просветления, дает клятвенное обещание исправиться и стать достойным последователем великого учителя жизни Сталина.

Сколько было примеров подобных «спокаяний» на советском Олимпе! Сколько старых, заслуженных коммунистических вождей, людей всевозможного масштаба «уклонялись», а потом «чистосердечно каялись!» «Уклонизм» и «спокаяние» стали в СССР бытовым явлением. Ныне этот «быть» вводится и в среду нашего калмыцкого народа. Тут оправдывается наша поговорка: «возле сажу быть — вымазаться». Потому удивляться «проникновению» этого «быта» к нам не приходится.

В предыдущем номере нашего журнала я писал о все больше пробуждающемся национальном сознании среди калмыков. Этот процесс пробуждения национальной мысли, несомненно, является характерным решительно для всех угнетенных народов СССР, начиная от Украины, через Кавказ, Казачество Туркестана, вплоть до далекой Сибири.